

В конце концов Сюй Лэянь назвал Миньди — небольшой приморский город. Раньше там немало людей поклонялось божеству по имени Хай-гун. Божеством его называли условно: официальной должности среди богов у него не было, скорее это был злой бог, сумевший заработать себе неплохую славу. Основные съёмки «Зла» проходили в одном из подчинённых Миньди посёлков — в храме Хай-гуна и рядом с ним.

Список массовки «Зла» всё ещё сохранился в группе с объявлениями о съёмках, так что записи удалось найти. Сотрудники канцелярии Управления по делам аномальных событий проверили сведения и сообщили Ци Гу: статист, игравший человека, у которого заимствовали удачу, впоследствии умер от странной болезни. А восемь знаков рождения, написанные на гробовой доске в плёнке второй версии «Зла», полностью совпадали с его настоящими.

Родственники статиста рассказали сотрудникам Управления, что тогда он очень обрадовался, получив роль с несколькими сценами. Он поделился новостью со многими знакомыми массовщиками из киногородка и даже обещал после выхода фильма пригласить всех в кино.

Он не знал, что снимается вовсе не в настоящем «Зле», а лишь участвует в одном из элементов рекламной уловки — и что этих кадров никогда не покажут в кинотеатрах.

*

В итоге Ци Гу с помощью техники замедлил разложение тел, чтобы Сюй Лэянь и остальные смогли вернуться домой и в последний раз попрощаться с родными.

Когда четверо призраков, управляя внешне совершенно нормальными телами, вышли из отдельного кабинета, внутри остались только Линь Ханьчжи и Ци Гу.

С исчезновением четырёх мертвецов запах гниения быстро выветрился.

Ци Гу и Линь Ханьчжи заказали еду и, сидя вплотную друг к другу у огромного круглого стола, стали обсуждать дальнейшие действия.

— Потом мне, вероятно, придётся съездить в Миньди. Тебе лучше не ехать, подожди моего возвращения.

Храм Хай-гуна уже по одному описанию не походил на безопасное место. Управлению наверняка придётся его зачищать, а в отделении провинции Z сейчас не хватало людей. Самым сильным специалистом там был Ци Гу, так что, кроме него, подходящих кандидатов могло и не найтись.

Ци Гу давно привык разговаривать с Линь Ханьчжи с позиции защитника и поступать так, словно именно он обязан его оберегать.

— Давай пока не будем спешить, — сказал Линь Ханьчжи. — Может статься, Миньди как раз станет местом следующего выпуска. В прошлый раз с Хуайшуй ведь так и вышло. Ты должен верить в способность режиссёра Суна притягивать нечисть.

Его персиковые глаза посмотрели на Ци Гу с каким-то скрытым смыслом.

Ци Гу встретил его взгляд:

— Тоже верно. Заодно не придётся самому возиться с маршрутом.

У него уже появились догадки насчёт настоящей личности Линь Ханьчжи. Хотя тот перед Ци Гу делал вид, что не знаком с Мяо Юэ и Пубу Гэсаном, в мелочах они не раз прокалывались, и Ци Гу всё замечал.

К тому же двое младших явно относились к Линь Ханьчжи с уважением. Значит, в Управлении он, вероятно, занимал какую-нибудь небольшую руководящую должность — возможно, административную, не связанную с боями.

В конце концов Линь Ханьчжи и правда выглядел очень болезненным красавцем.

Если бы Мяо Юэ и Пубу Гэсан услышали эту догадку, они, пожалуй, рассмеялись бы прямо на месте.

Но Ци Гу не видел в своих рассуждениях никакой ошибки. Ну да, Линь Ханьчжи был немного сильнее обычного человека. Зато какое у него бледное лицо, как его жалко! Разве такой может быть боевиком?

— Не любишь возиться с хлопотами? — Линь Ханьчжи приподнял бровь.

— Угу. Ты же сам видел: моя главная мечта — лежать пластом и быть солёной рыбкой, — Ци Гу откинулся назад, положил руки на спинку стула и расслабленно свесил их. — Когда разберёмся с костями Люли и доснимем «Тайны потустороннего», я сосредоточусь на карьере главного нахлебника храма Фуай.

Линь Ханьчжи подумал: если он умрёт и Ци Гу станет следующим начальником Управления, тому будет уже не до солёной рыбки — бояться надо, что даже на вкусную еду времени не останется... Ради Ци Гу ему действительно стоило постараться пожить подольше.

Не мог же он просто свалить на него одного такую гору нудных дел.

— Если... когда-нибудь тебе тоже надоест надрываться, можешь стать солёной рыбкой вместе со мной.

Миндальные глаза Ци Гу сияли. Он произнёс это будто между делом, но слова несколько раз покрутились у него на языке, прежде чем всё-таки вырвались наружу.

Брови Линь Ханьчжи, ещё секунду назад нахмуренные от посторонних мыслей, разгладились.

— Тогда будем парой солёных рыбок и каждый день греться на солнце во дворике твоего Фуай.

Глядя друг другу в глаза, они сами не заметили, как снова оказались совсем близко.

Линь Ханьчжи смотрел, как чуть дрожат красивые глаза Ци Гу — словно озёрная гладь, покрытая рябью и ослепительно отражающая свет.

Так хотелось... пролететь над ней птицей и поцеловать эту взволнованную поверхность.

Как раз когда мысли Линь Ханьчжи начали опасно качаться, дверь открылась, и официант вошёл с подносом.

— Простите за беспокойство. Ваш «Будда прыгает через стену»...

Ци Гу мгновенно повернул голову к столу. В его глазах отразился золотистый бульон, и аппетит в них читался без всяких пояснений.

Ну... кто способен отказаться от горячей миски «Будда прыгает через стену», полной морских огурцов, абалонов и прочих деликатесов!

Ци Гу молниеносно налил себе миску, потом посмотрел на Линь Ханьчжи, который всё ещё сидел, уставившись в воздух, налил ещё одну и сунул ему в руки.

— Ешь скорее, пока горячее. Остынет — вкус изменится.

В блюде всё-таки было много морепродуктов, а остывшие они неизбежно начинали отдавать рыбой.

Линь Ханьчжи ещё не успел огорчиться, что по важности снова проиграл еде, как горячий суп тут же его утешил. С улыбкой в глазах он принялся есть.

После ужина Ци Гу попросил упаковать несколько фирменных блюд и отдельно одного жареного цыплёнка.

— Ночной перекус? — спросил Линь Ханьчжи.

— Учителю. Он любит такое, — ответил Ци Гу.

Глаза Линь Ханьчжи слегка дрогнули.

— Сегодня всё-таки поедem в Фуай?

— Внизу мне сейчас всё равно делать нечего.

Ци Гу уже полностью доложил о ситуации, но новых распоряжений от Сан Ма пока не получил. К тому же ему действительно хотелось по-настоящему привести Линь Ханьчжи домой и познакомить с учителем.

Вскоре они уже сидели в машине, направлявшейся к храму Фуай.

Дорога была скучной. Ци Гу какое-то время листал Weibo, а потом заметил множество вопросов о том, что всё-таки произошло с Линь Юсиnem. Сам он пока ещё не разобрался, поэтому отвечать не мог и просто пролистал их.

Ниже попался другой комментарий:

□Твой прошлый пост означал, что вы с Чжи-чжи официально объявили об отношениях?□

Уши Ци Гу мгновенно загорелись. Он быстро провёл пальцем вниз, но случайно ткнул по комментарию ещё раз и поставил лайк.

Он уже собрался убрать отметку, когда тут же получил от автора целую очередь сообщений:

□А-а-а-а-а-а-а! Мама, моя любимая парочка настоящая!□

Раз это уже увидели, отменять лайк было поздно. Ци Гу решил оставить как есть... Вот только не знал, не будет ли Линь Ханьчжи против.

Он поднял глаза и покосился на него — и обнаружил, что Линь Ханьчжи тоже смотрит на него.

— Мм? — заметив взгляд Ци Гу, низко и чуть хрипло спросил тот.

От этого придыхания уши Ци Гу стали ещё горячее.

— Случайно поставил лайк.

Он протянул телефон Линь Ханьчжи.

— Ерунда.

Неясно, действительно ли Линь Ханьчжи не придавал этому значения или, наоборот, был очень доволен, но он тихо рассмеялся, достал из кармана пальто свой телефон, разблокировал его, нашёл тот же комментарий... и тоже поставил лайк.

После чего показал экран Ци Гу.

Ци Гу с совершенно бесстрастным лицом превратился в рождественское яблоко.

Он резко отвернулся, не сказал ни слова и опустил половину окна. Мягкий холод кондиционера в машине уже не спасал — ему требовался ветер посильнее, чтобы сбить жар с лица.

А в СР-супертеме тем временем уже вовсю праздновали Новый год. Все сияли от счастья и мысленно развешивали фонари.

□Что? А вы откуда знаете, что моя любимая парочка сегодня поженилась?□

□Прошу ознакомиться с официальным заявлением.□

□Не ожидала, что Чжи-чжи объявит об отношениях настолько тонко: просто лайк поставил и фон сменил. Я думала, если он сойдётся с Гу-гу, то раструбит об этом на весь мир.□

□Может, это и есть спокойствие законной императрицы центрального дворца ()□

□Если так посмотреть... звучит логично.□

□Хе-хе-хе, угощаю всех свадебными конфетами! Репост — разыграю сто наборов шоколада!□

□Как же я жду пятый выпуск «Тайн потустороннего» а-а-а-а! Хочу смотреть, как наши новоиспечённые влюблённые неловко раздают сахар!□

□Умираю. Можно подумать, до того как они сошлись, сахара не было.□

□.□

□После начала отношений всё иначе. Сначала, наоборот, какое-то время любое действие

кажется неестественным, страшно, что окружающие заметят, постоянно краснеешь и сердце колотится. А когда постепенно привыкнешь к этой близости, уже начинаешь липнуть друг к другу...□

□Чжи-чжи стесняется? Даже представить сложно ()□

□А ты заставь сейчас Гу-гу поцеловать его перед зрителями. Думаешь, не застесняется?□

*

Линь Ханьчжи впервые оставался ночевать в Фуай. Ци Гу специально принёс ему из своей комнаты новые постельное бельё и одеяло: на комплекте из гостевой комнаты уже спали Хуан Хунъюань и Му Синчэнь, а у Линь Ханьчжи была мания чистоты, так что ему наверняка было бы неприятно.

Линь Ханьчжи остановился у двери и, глядя на принесённое бельё, спросил:

— Ты этим пользовался?

В голосе слышалось едва заметное ожидание.

Ци Гу решил, что у него снова обострилась чистоплотность, и поспешил объяснить:

— Нет, купил новым. После стирки никто не использовал.

— ...Вообще-то мне необязательно новое. Ты сам купил себе бельё — тебе и пользоваться им первым. Найди мне какое-нибудь старое, сойдёт.

— Ты гость, — твёрдо сказал Ци Гу.

Учитель с детства внушал ему, что гостю надо отдавать лучшее. Раньше Ци Гу почти никого не принимал, но теперь гость появился, да ещё и человек, который ему нравился. Разумеется, он хотел всё сделать как можно лучше.

Поэтому Ци Гу настоял и застелил Линь Ханьчжи новую постель.

Одному менять простыню было неудобно, и Линь Ханьчжи взялся за другой угол. Они вместе встряхнули тонкое одеяло, и оно раздулось в воздухе, словно светлая оболочка большого моти-дайфуку. Пока ткань медленно опускалась, Ци Гу и Линь Ханьчжи одновременно посмотрели друг на друга — и внезапно ощутили какое-то удивительно домашнее тепло.

Супруги вместе надевают пододеяльник, застилают кровать — наверное, в обычных семьях такие мелочи происходят бесчисленное множество раз?

А жизнь ведь и складывается из бесчисленных тёплых мелочей вроде этой.

Раньше у Линь Ханьчжи не было ни времени, ни необходимости заниматься подобными бытовыми пустяками. Но сейчас ему вдруг безумно захотелось повернуть время вспять и ещё раз пережить только что случившееся.

Он не мог отпустить то короткое тепло и вкус дома, стоявший за ним.

Пока Линь Ханьчжи смаковал это чувство, в комнате раздался знакомый голос золотой жабы.

Узнав, что Ци Гу собирается привести Линь Ханьчжи домой, золотая жаба всю ночь сидела в интернете, заучивала свежие мемы и выражения, решив стать самой современной мастерицей радужной лести. И, разумеется, увидела тот самый комментарий с лайками.

После этого направление комплиментов стало очевидным.

— Брат Ци, брат Линь, знаете, о чём я подумал, когда смотрел, как вы вдвоём встряхиваете одеяло? — спросила золотая жаба, подскакивая ближе.

— О чём? — машинально отозвался Линь Ханьчжи, хотя на самом деле ему очень хотелось выбросить эту жабу, нарушившую их уединение.

— Конечно же, о доме! — уверенно провозгласила золотая жаба. — В семье, где я раньше жил, когда муж с женой любили друг друга, они постоянно вместе застилали постель, подметали, мыли полы, даже посуду мыли чуть ли не в обнимку. Так тепло было! А вы двое — ну совершенно одна семья. Вы ещё нежнее друг с другом, чем та супружеская пара!

— Вы просто идеальная пара, нефрит к нефриту, небом и землёй созданные, союз судьбой предначертанный, красавец с красавцем, талант с красотой...!

Рука Линь Ханьчжи, уже собиравшаяся вышвырнуть золотую жабу, вдруг передумала.

Надо же. За время жизни в Фуай эта жаба научилась говорить настолько приятные вещи.

Слушаешь — и тело с душой отдыхают, будто паришь среди облаков.

Ци Гу тоже понял, что золотая жаба, вероятно, неправильно истолковала их отношения и решила, будто они уже вместе... Но они ведь всё равно будут вместе! Что плохого в том, чтобы

заранее послушать поздравления?

Оба думали примерно одинаково, поэтому никто не остановил пришедшую льстить золотую жабу. Они с тайным удовольствием слушали, сохраняя невозмутимый вид.

Золотая жаба увидела их реакцию и ещё сильнее уверилась, что попала точно в цель. Compliments полились один за другим, как будто за слова денег не брали.

Она говорила до тех пор, пока сама едва не начала задыхаться.

Когда её почти пятитысячезнаковое сочинение наконец закончилось, Ци Гу положил мягкую подушку на постель, а потом без раздумий сжёг золотой жабе сразу несколько порций благовоний и подношений. Та наелась до икоты, а круглое тело стало похоже на надутый до предела шарик.

— Ик... ик... спасибо, брат Ци.

Даже объевшись, золотая жаба не забыла о вежливости. Сначала поблагодарила, и лишь потом покинула гостевую комнату.

— Кажется, она приняла то, что пишут в интернете, за правду. Точно ничего страшного? — обеспокоенно спросил Линь Ханьчжи, глядя на Ци Гу. Ему понадобилось немало времени, чтобы наконец опустить уголки губ, уже взлетевшие к небу.

— Ничего. Не мешает, — ответил Ци Гу. — Иногда даже забавно послушать, как она льстит.

— Угу.

— Если тебе неприятно, в следующий раз я скажу ей...

«Меня в основном беспокоит, что она сказала слишком мало и слишком узкому кругу», — подумал Линь Ханьчжи. Затем покачал головой и резко схватил Ци Гу за ладонь.

— Правда не неприятно.

Закончив с постелью, Ци Гу взял несколько контейнеров с едой, стоявших на журнальном столике, посмотрел на Линь Ханьчжи и сам пригласил:

— Хочешь... вместе со мной сходить к учителю?

Раньше в разговорах с Ци Гу Линь Ханьчжи уже узнал, что его учитель умер. Он также

понимал, что тот, похоже, стал чиновником-призраком, но раскрывать это не мог.

— Конечно. Раз уж я ночью у тебя, надо сначала поприветствовать старшего в семье.

Линь Ханьчжи поднялся, сам забрал у Ци Гу контейнеры и понёс их, оставив ему только показывать дорогу.

От заднего двора до главного зала было всего несколько минут ходьбы. Ци Гу привёл Линь Ханьчжи к киоту у входа в храм. В уголках его глаз редко заметно пряталась улыбка. Взглядом он показал на фигурку внутри:

— Вот мой учитель. Можешь звать его учителем вместе со мной.

Они вместе открыли контейнеры и расставили еду перед киотом. Ци Гу одним движением пальцев зажёл сразу шесть ароматических палочек, три протянул Линь Ханьчжи.

После этого первым согнул колени и опустился перед киотом. Выражение его лица стало благоговейным и серьёзным. Лишь ещё раз взглянув на Линь Ханьчжи, Ци Гу закрыл глаза и мысленно начал говорить учителю то, что хотел сказать.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949178>